

Позиция Республики Беларусь по этому вопросу была изложена вице – премьером Игорем Петрушенко на встрече с депутатами парламента. Отвечая на вопросы депутатов об исключении России и Беларуси из Болонского процесса, вице премьер заявил «Не думаю, что из этого стоит делать проблему. Мы изначально очень осмотрительно и взвешенно подходили к участию нашей страны в этой организации и оставляем приоритет за национальными интересами» [4]. Он также подчеркнул, что после исключения из Болонского процесса, вполне вероятно, что Беларусь перейдет на собственную систему высшего образования, и что белорусские вузы в ближайшее время могут вернуться к формату специалитета и к пятилетнему сроку обучения.

Заключение. Хочется отметить, что в последнее время произошла существенная переоценка значимости принципов Болонского процесса для систем высшего образования России и Беларуси. Вторым знакомым явлением можно считать отсутствие в позициях руководителей соответствующих ведомств стремлений и призывов к кардинальным и радикальным переменам. В ближайшее время в наших странах предполагается создание своих национальных систем образования, которые бы сочетали как возрождение специалитета, так сохранение и совершенствование двухуровневого формата образования. Это в первую очередь нужно для сохранения привлекательности обучения иностранных студентов, ориентированных на работу в странах Европы и Азии. При этом предлагается исключить возможность смены специальности после бакалавриата. Поменять ее можно будет только на схожую, что вполне логично и будет отвечать главной задаче магистратуры – совершенствование знаний и умений специалиста в выбранной специальности.

1. Замглавы Минобрнауки Афанасьев: все российские вузы исключили из Болонского процесса. (Электронный ресурс). Режим доступа: ria.ru/20220606/vuzy-1793490321.html...Дата доступа: 20.01.2023.

2. Опфер, Е. А. Трансформация российской магистратуры. / Е.А.Опфер.//Высшее образование в России. 2021. - №1. - С.36-48.

3. Погребняк А. Б. Болонский процесс: итоги и результаты. /А. Б. Погребняк.- Культурно-цивилизационный кризис в условиях информационного общества. Материалы международной научно-практической конференции. Витебск, 2 декабря 2022 г. Витебск: ВГУ имени П.М.Машерова, 2022.- 273 с. Режим доступа:<https://rep.vsu.by/handle/123456789/35722> (Дата обращения 20.01.2023).

4. Это не проблема: власти Беларуси об исключении страны из Болонского процесса.(Электронный ресурс). Режим доступа: sputnik.by/...eto...belarusi...iz-bolonского-protsessa......Дата доступа: 20.01.2023.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ОБЩЕСТВА

*О.М. Ростовская
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Целью работы является определение субъекта и объекта, функций и видов коллективной исторической памяти. Актуальность темы исследования обусловлена активизацией процессов реконструкции самоидентичности социальных групп в региональном контексте современной глобальной социокультурной реальности [1].

Материал и методы. В качестве материала послужили исследования в области теории исторической памяти, ретроспективная и современная социальная действительность. Основными методами являются общелогические методы познания (анализ, синтез, абстрагирование), общенаучные методы (системно-структурный, функциональный, классификации).

Результаты и их обсуждение. Коллективная историческая память – это социокультурно и индивидуально обусловленный феномен. Она представляет собой совокупность фигур памяти, единых для определённой социальной общности и включённых в контекст индивидуальной памяти её членов в биографическом и обосновывающем модусах воспоминания [2; 3]. Понятие «фигуры памяти» восходит к использованному немецким исследователем Я. Ассманом термину «фигуры воспоминания», представленному в работе «Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» в качестве комбинации понятий и данностей опыта, воссозданных и отнесённых к конкретному времени, пространству и группе [4; с. 39]. В данном исследовании под «фигурами памяти» понимается сплав знаний, переживаний и образов с понятиями, их называющими и характеризующими, что составляет содержание индивидуальных и групповых (коллективных) представлений о прошлом.

В роли субъекта коллективной исторической памяти может выступать социальная общность, объединённая единством кровнородственных отношений, места проживания, хозяйственной деятельности, профессиональной занятости, языка, традиции, исторического прошлого, интересов, потребностей и т.п. Важнейшим признаком такой социальной общности является осознанное чувство принадлежности к ней её членов – их социальная самоидентификация. Объединённые названными характеристиками сообщества людей могут быть определены в качестве коллективных исторических субъектов. Они образуют социальную систему, играя существенную роль в историческом процессе. К ним относятся семья, род, община, городской и сельский социум, этнос, нация, профессиональные группы и т.п. Они являются создателями, носителями, хранителями и трансляторами общих для всех их членов фигур памяти – субъектами коллективной исторической памяти. Являясь субъектами коллективной исторической памяти, они представляют собой «места» памяти. При этом концепт места в данном контексте может быть интерпретирован в качестве заполненного, освоенного, «усвоенного» пространства, исходя из трактовки белорусского исследователя А. Ластовского [5; с. 18]. Социальная общность понимается как место памяти, если она, во-первых, выступает в роли символического пространства, заполненного общими для её представителей образами, знаниями, переживаниями и понятиями (фигурами памяти); во-вторых, является объектом памяти, т.е. помнится, признаётся, передаётся в социуме. К числу функций коллективной исторической памяти стоит отнести:

- накопительную,
- удерживающую,
- воспроизводящую,

- трансляционную,
- интерпретационную,
- функцию социокультурной и групповой самоидентификации,
- интеграционную,
- функцию социализации.

Функции памяти обусловлены специфическими особенностями социальной группы, выступающей в роли мнемического субъекта: семьи; семейно-родовой, городской, сельской, профессиональной, религиозной и конфессиональной, этнокультурной и национальной общности и т.п.

Исходя из определения субъекта, можно выделить соответствующие виды коллективной исторической памяти, общим признаком которых является не столько территориальная общность, сколько их важная роль в формировании социокультурной идентичности. К ним, в частности, относятся:

- семейная память;
- родовая, или семейно-родовая память;
- сельская память;
- городская память;
- национальная память.

В роли объекта коллективной исторической памяти может быть всё, что способно выступать интегрирующей силой и соотносится с прошлым, общим для представителей социальной группы, с истоком формирования данной группы, с её известными представителями, с тем, что имеет для группы символическую и идентификационную значимость. Например, объектами национальной исторической памяти являются история становления нации, этническая территория, язык, топонимика, традиционная культура, историческая архитектура и т.п.

Заключение. Трактовка коллективной исторической памяти может применяться в интерпретации её видов, исходя из определения субъекта в качестве и места исторической памяти, и создателя, носителя и транслятора фигур памяти, единых для всех членов конкретной социальной группы. При наличии общего подхода к познанию видов коллективной исторической памяти важно учитывать специфику всякого отдельного коллективного исторического субъекта.

Предлагаемая классификация коллективной исторической памяти по признаку наличия субъекта как носителя мнемической функции способствует не только дальнейшему исследованию выделенных видов, но также и разработке классификации на основе других признаков.

1. Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления : материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 29 октября 2021 г. / [редкол.: А. А. Лазаревич (гл. ред.) [и др.]]; М-во образования Республики Беларусь, Учреждение образования "Витебский государственный университет имени П. М. Машерова". – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – 212, [1] с. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/29973> (дата обращения: 29.01.2023).

2. Ростовская, О. М. Два модуля исторической памяти как два способа организации прошлого / О. М. Ростовская // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. : сб. науч. ст. – Минск : РИВШ, 2012. – Вып. 11. – С. 299–305.

3. Ростовская, О. М. Феномен городской памяти: социально-философский анализ / О. М. Ростовская // Весці НАН Беларусі. – 2019. – Т. 64, № 1. – С. 33–40.

4. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 363 с.

5. Ластовский, А. Городской ландшафт как место памяти и идентичности / А. Ластовский // Паліт. сфера. – 2009. – № 12. – С. 17–28.